

Всем читавшим Священное писание известна легенда, которую у нас называют «Поклонение волхвов», а в остальном мире «Поклонение королей». Три короля-мага разгадали явление Вифлеемской звезды: родился Мессия. Они пошли в Вифлеем с богатыми дарами — золотом, драгоценностями, ладаном и мирро. По пути к ним присоединился [это уже не из Библии, а из сценария] пчеловод Алазар, некогда обучавшийся магии у старшего из королей — Мельхиора. Жена Алазара Кана ждет ребенка, но он вынужден ее покинуть, чтобы отыскать свой улетевший в сторону Вифлеемской звезды рой — основу их жизни.

АВТОР

Мучительный путь продолжается. Пустыня иссушена, прожжена солнцем. Мельхиор остановился и обвел взглядом пустыню. Говорит сам с собою: — Ни птицы. Ни суслика. Ни гада ползучего. Ни кустика, ни травинки, ни колючки. Лишь пески, пески, пески. Где нет воды, нет жизни. Вот она — настоящая пустыня. Как же она ужасна и безнадежна! Путников мучает жажда. То один, то другой опрокидывает в рот горлышко давно опустевшей фляжки, трясет, лижет языком сухое устье. Заволновались верблюды. Всклидывают головы, всхрапывают, подымаются лавровой рысь. И маленький Буян возбужден. Он рвется вперед, Алазар удерживает его. Он вглядывается вдаль и замечает какую-то темную точку. И три короля угледели крошечную точку надежды. — Оазис! — кричит Гаспар в страшном возбуждении. — Небо не оставило нас, — торжественно говорит Мельхиор. — Смотрите, и наши терпеливые друзья это поняли, — замечает Бальтазар, указывая на верблюдов. Измученные животные, все как один, опускаются на колени и позволяют влезть на себя. Мельхиора пришлось подсаживать, настолько он ослабел. Маленький караван из последних сил затрусил к оазису.

То был действительно полусухой, но по виду действительной колодец. Алазар, достигший его первым, опустил в него ведро, зачерпнул воды и поднес Буяну. Верблюд облизнул губы шершавым, а зеленоватом обмете языком, как-то странно зарычал и попятился назад. Алазар повторил попытку, тогда Буян ударом головы вышиб у него ведро из рук. С ликующими криками: «Вода!.. Вода!..» подсаживали короли. — Это плохая вода, — сказал Алазар. — Буян отказался ее пить. — Он забесился, твой верблюд! — закричал Бальтазар. — У него водобоязнь. — Он покушует наших верблюдов — испугался Гаспар. — Придется тебе с ним расстаться, Алазар — с усилием проносив свои пересохшим ртом Мельхиор. — Вода отравлена, — жестко сказал Алазар. — Буян знает, что делает. Назад! — крикнул он и с силой оттолкнул Бальтазара. Вперед рванулся Гаспар. — Назад! — кричит Алазар. — Это смерть! Они сцепились. Гаспар был мускулистее и тяжелее Алазара, но тот действовал умелее и решительнее и не пустил его к воде. В это время Буян отпрянул от воды верблюдов. Во все стороны летела желтая пена и ключья шерсти. На помощь к Гаспару подоспел Бальтазар. Вдвоем они отшвырнули Алазара. Гаспар рванул к водоему, зачерпнул воды, хотел выпить, но Алазар, изловившись, успел выбить ведро из его рук. Оно упало на землю, расплескав воду. Гаспар опять накинулся на Алазара. Верблюд Мельхиора дотронулся до пролитой воды, стал ее лакать, вдруг закричал почти человеческим голосом и в страшных конвульсиях упал на землю. Дернулся раз-другой и затих.

Для Мельхиора испытание оказалось чересчур сильным, он зашатался и упал.

(ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ)

Гаспар поднял старого мага и усадил на своего верблюда. И опять потянулся жалкий караван по зыбучим пескам в сторону склонившегося к горизонту солнца. Алазар продолжает путь пешком, остальные на верблюдах. Гаспар и Мельхиор сидят вдвоем.

Огромный кроваво-красный шар солнца начал закатываться за горизонт. Прозрачные тени людей и животных вытянулись. Алазар с Буяном по-прежнему впереди, шаг его все так же упруг. Бальтазар, недвижный, как мумия, застыл на спине своего верблюда. Мельхиор и Гаспар опять бредут пешком. Их рослый, но не выносливый верблюд не может вынести даоих. Гаспар поддерживает обессиленного старика. Пересохшими губами Мельхиор шепчет одно слово: — Пить! Пить! Пить!

С бархана на бархан плетется обессиленный караван. Уже закатилось солнце, первые звезды проклянули небо, когда пал верблюд Гаспара, едва не прижав плетущегося о бок с ним Мельхиора. — Алазар! — крикнул жалобным голосом Гаспар. Тот подошел. Мельхиор в забытии все гнул свое «Пить! Пить! Пить!». Алазар потер ему виски, положил руку на лоб. Мельхиор замолк, дыхание его стало ровнее, но глаза оставались полужакрытыми. — Мы должны сделать привал, — сказал Гаспар. — Мельхиору не выдержать. Пусть он лучше уснет. — Боюсь, что он уснет вечным сном, — вздохнул Алазар. — Лучше так, чем бессмысленные мучения. Или он переможет во сне ночь, или душа его безболезненно переселится в иной мир. — Нет, — горячо говорит Алазар, — мы должны идти дальше. Мы придем к воде, но можем не прийти. Буян чует воду. Посмотрите, как прямо и уверенно он шагает.

И тут раздаётся слабый голос Мельхиора: — Я больше не верю тебе, пчеловод. Ты завел нас в этот ад, а теперь упростишь от пустого самолюбия. — Ты давно сбился с дороги, — присоединил свой голос Бальтазар. — Ты не знаешь, куда идти, только пустишь пыль в глаза. Ты обманщица, пустой и тщеславный шарлатан! — Я не хочу тебя обижать, Алазар. — Гаспар пытается смягчить нанесенное ему оскорбление. — Ты неплохой человек, но сейчас ты зря упрямишься. Этот высокий бархан защитит нас от холодного ветра. Мы переночуем, король Мельхиор соберется с силами, и утром мы снова двинемся в путь. — Я чувствую, что вода близко, — настаивает Алазар. — А мой верблюд знает это, он — часть великой природы, которая не ошибается. — Но другие верблюды ничего не чувствуют, а они... — Гаспар недоговорил. Послышался глухой звук падения, это Бальтазар упал с верблюда. Молча, как кукла, и остался недвижим. — Король умер, — слышался слабый, будто дуновение ветра, голос Мельхиора. Алазар первым поспел к упавшему. Он распахнул на нем халат, приложил ухо к впаде груди. — Сердце бьется, — сказал он, — но слабо, слабо. Гаспар тоже склонился над Бальтазаром и начал массажировать ему сердце сильными, ласковыми пальцами. — Жизнь сама распорядилась, — сказал Алазар. — Хорошо еще, что не смерть, — отозвался Гаспар. — Все, Буян, — обратился Алазар к своему верблюду. — Привал. Буян зло оскалился и мотнул головой. Он едва не вырвал повод из рук хозяина. — Спокойно, Буян! — прикрикнул Алазар. — Ложись! Но верблюд не хотел подчиниться. Мотая головой, рыча, как дьявол пустыни, он рванул вперед. — Ложись, собака! — гневно закричал Алазар и, на верное, впервые замкнулся на своего друга. Из удлинённого глаза Буяна выкатилась слеза, он не привык к такому обхождению. Не переставая скалиться и рычать, он улегся, отвернувшись от Алазара. И остальные люди и животные без сил повалились на землю...

Ночь набита звездами, кажется, они вот-вот осыпятся вниз. Лишь Вифлеемской звезды не видно — то ли погасла, то ли скрылась. Алазар не спит. Его широко открытые глаза обширивают небесную твердь. Вот он отыскал маленькую, но яркую, словно бриллиант нависшей пробы, звездочку в созвездии Андромеды и впился в нее взглядом. Очень шумно, как сквозит густой туман, увидел он свою жену, мающуюся на постели. Она одна, доброй женщины, которой он поручил ее, почему-то нет рядом. Внезапно Кана перестала стонать. Она глядит в растворенную дверь на яркую, как бриллиант, звездочку в созвездии Андромеды.

Глаза Алазара и Кана встречаются — они видят друг друга. Во взгляде мужчины — любовь и тревога, во взгляде женщины — любовь и укор.

ВОЛХВЫ

ЭЛЬ ГРЕКО. Поклонение пастухов. (Толедо. Сан Доминго эль Антигуо).

— Тебе плохо, родная! — шепчет Алазар. — Потерпи еще немного. Я скоро вернусь. Мы больше никогда не будем разлучаться. Уж ничто не уведет меня от тебя. Кана подымает руку и тылом ладони закрывает глаза. Теперь она не видит ни соединяющей ее с мужем звездой, ни, стало быть, Алазара. И ее изображение в его глазах начинает збыться, меркнуть, а там и совсем исчезает. — Кажется, я понимаю, — шепчет Алазар. — Ты не хочешь никакого волшебства. Ты уходишь из моей сказки. Тебе не нужны тайны ночи. Ты вся из простой дневной жизни, и я должен стать таким же! Он не слышит ответа, но ответ есть в его собственном сердце.

Алазар проснулся, когда солнце уже поднялось в небо. Буяна не было рядом, песок хранил впадину от его тела. Короли спали. Впрочем, с уверенностью это можно было сказать лишь о Гаспере. Мельхиор и Бальтазар производили впечатленные трупы. С тревогой Алазар подошел к ним и убедился, что они дышат. А вот верблюд Гаспара был мертв. — Где Буян, где верблюд Бальтазара? — бормочет вслух Алазар. Он огляделся. Едва различимые следы вели к высо-

кому, как стена, бархану. Алазар вскарабкался на бархан и увидел море. Оно было в нескольких шагах от их бивуака, скрытое песчаным валом. — Вот почему так бесился Буян! — продолжает думать вслух Алазар. — Привел нас прямо к воде, а ему не поверили. Прости своего глупого хозяина, Буян! А Буян был неподатлив, вместе с верблюдом Бальтазара он стоял по брюхо в воде, лакая влагу жизни. То было пресное море, озеро, огромный водоем со сладкой питьевой водой! Алазар сбежал вниз, крича что-то приветственное Буяну. Но обиженный верблюд не отозвался, даже не посмотрел в сторону хозяина. Алазар окунулся, вздымая брызги, вынырнул: он пил горстями воду и хохотал. Буян с приободрившимся верблюдом Бальтазара затеали игры. Они носились друг за дружкой по берегу, с размаху плюхались в воду, валялись, брыкались, словом, наслаждались жизнью.

Бивуак Алазар растолкал королей. Они очнулись не от его настоятельных толчков, а от магического слова «вода».

Короли добрели до воды и погрузили в нее свои измученные тела. Они зачерпывали воду ладошкой, но

этого показалось мало, и они стали лакать воду прямо из озера, как верблюды. Алазар наблюдал за ними с доброй улыбкой. Внезапно он наступил на камень, слышался странный шум, обернувшийся так хорошо знакомым пчелиным гудом. Алазар вертит головой, как бы пытаясь избавиться от навязчивости, но гудящий звук не исчезает. Алазар тарантил глаза — пустое, ничего, кроме дрожжащего марева перегретого воздуха. Только над озером выплывает круглая большая птица на неподвижных крыльях да барахтаются в воде три короля и два верблюда. А гуд меж тем становился все отчетливее, плотнее и громче. — Где вы? — обращается Алазар в пустоту. — Вы здесь, рядом, но я вас не вижу. Вы стали незримыми? Или вы превратились в звук, в музыку пчелиного роя? Или ваша песня — награда за мои поиски? Спасибо, мне милы ваши слышавшие в один голос, но для моего сына это будет очень бедная колыбельная. И тут он увидел налетающий рой, плотный, как птичья гнездо, его рой, в этом не могло быть ошибки, хотя и сильно поредевший. Пчелы подлетели чуть не к самому его лицу и принялись отплевывать кружевной танде. — Что с вами случилось? — спрашивает Алазар. — Почему вы покинули меня? Пчелы плашут, жужжат, он улавливает радостную ноту в их жужжании, но не слышит ответа на свои вопросы. — Скажите мне так понятно и ясно, как вы умеете это делать, — просит Алазар. — Не хотите? Или я отыскать вашего языка, забыл его? А может, вы забыли мою речь в разлуке? Мы же не стали чужими? Вы танцуете передо мной, а перед вами станцует моя душа. Кружевной танде продолжается.

Бивуак. Короли умыли, утолили жажду, наполнили свои фляжки, теперь они готовы к продолжению путешествия.

Сейчас они допивают зеленый чай у потухшего костра, впервые допивая в свой круг Алазара. Мельхиор, чередуя глоток чая с затажкой из красиво инкрустированного кальяна, ведет такую речь: — Мы долго приглядывались к тебе, Алазар, проверяли тебя и пришли к общему выводу: ты эту проверку выдержал. Алазар глубоким поклоном поблагодарил мудрецов за лестный отзыв и признание его скромных заслуг. — Провидение послало нам жесточайшие испытания, — продолжает Мельхиор, — это мудро и справедливо. Мы идем к Божественному младенцу, а откуда до вечности. Достойны ли избранныки такой высокой чести? Все наши спутники или погибли, или трусливо бежали, или, хуже того, оказались гнусными предателями. Один ты не уронил себя, хотя я не принадлежал к числу наших людей. Мы считаем, что ты достоин вместе с нами явиться в Вифлеем.

Мельхиор кончил на высокой ноте, и оба короля выразили согласие с ним; Бальтазар — по обыкновенно сдержанно, Гаспар — шумно и радостно. Ответ Алазара ошеломил королей. — Благодарю вас, высокочтимый король Мельхиор, мудрейший из мудрых, от всей души недостойного, но преданного ученика благодарю за щедрое приглашение. Благодарю вас, великие короли и светочи, — повернулся он к Бальтазару и Гаспару и каждому отвесил поклон. — Но я не заслуживаю этой чести. И не могу принять вашего великого царского дара.

— Что это значит? — мгновенно вскриел Бальтазар. — Я уже говорил вам, что не ставил себе возвышенных целей, когда пустился в путь. Я искал своих пчел, сейчас нашёл их или они нашли меня, и должен вернуться домой. — Что значит «домой», Алазар? — укоризненно сказал Мельхиор. — Сейчас дом праведных там, где распахнулись глаза Божественного дитяти. — Наверное, я недостаточно праведен, — возразил Алазар. — И для меня мой дом, где моя жена, которая должна вот-вот родить. Я нужен ей и будущему ребенку больше, чем Вифлеемскому младенцу. Да, — твердо сказал он, предупреждая возражение Бальтазара. — Мое место возле нее. Она зовет меня. Я видел ее измученные глаза, которые она потом закрыла, потому что сердится на меня. — Что значит «видеть»? — ехидно спрашивает Бальтазар. — Неужели у тебя такое острое зрение? Похоже, вечные придирки и стойкое недоброжелательство мага вывели из терпения Алазара. Он был покладистый и добрый человек, но с чувством собственного достоинства. Он оставался спокоен, лишь в голосе зазвенел металл. — «Видеть» значит «видеть» — глазами. Этой ночью я видел свою жену, как и почти во все предыдущие ночи. Это здало Мельхиора.

— Мы тоже умеем видеть то, чего видеть нельзя. Мои спутники, короли Бальтазар и Гаспар, видят на земле, а я вижу на небе. Но мне нужна труба, Бальтазару — порошки или курения, Гаспару — зеркала. Без этих приспособлений никакое волшебство невозможно.

Буян с приободрившимся верблюдом Бальтазара затеали игры. Они носились друг за дружкой по берегу, с размаху плюхались в воду, валялись, брыкались, словом, наслаждались жизнью. Бивуак Алазар растолкал королей. Они очнулись не от его настоятельных толчков, а от магического слова «вода».

Короли добрели до воды и погрузили в нее свои измученные тела. Они зачерпывали воду ладошкой, но

и прочие средства служат лишь для возбуждения собственных чувств человека и его фантазии, обычно дремлющих в нем. — Вот как заговорил мой робкий ученик! — Мельхиор улыбается, но в глазах его злость. — А ты можешь привести пример! — Да! Мы уговорились с женой в одно и то же время смотреть на яркую звездочку в созвездии Андромеды и сильно, сильно думать друг о друге. И что же — в эти мгновения мы видим друг друга и догадываемся, о чем каждый думает, чего он хочет. Я прочел в глазах жены горе и ожидание. Ей плохо, она ждет меня назад. И тут до Бальтазара, самого нетерпеливого, но и самого практичного, дошел философский, а весьма житейский смысл решения Алазара. — Это все пустая болтовня, — сказал он резко. — Как можешь ты оставить нас? Ты завел нас сюда, ты обязан нас вывести. Звезда Вифлеемская погасла, и мы не знаем, куда идти. — Король Бальтазар прав, — авторитетно заявил Мельхиор, в пылу спора упустивший, чем грозит им уход Алазара. — Человек не смеет самовольно бросать ношу, которую возложил на него провидение. — Я вам больше не нужен, — все так же спокойно и твердо говорит Алазар. — Держитесь берега озера. А звезда воссияет опять. Она встанет над Вифлеемом, а когда вы достигнете города, она окажется над соломенной кровлей божьей хижинки.

— Какая самоуверенность! — вскричал Бальтазар. — Тебе что — дано высшее знание! — Оно дано каждому, желающему слышать. Все должно исполниться по пророчеству. — Ты изворотлив! — сказал Мельхиор. — Этому я тебя не учил. — Это все правда, — вздохнул Алазар. — Мне нечего больше сказать. И тут в спор вмешался Гаспар. Он долго собирался с силами и наконец обрел их: — Я апервое позволю себе не согласиться со старшими. Мы должны вернуться домой, как и Алазар, хотя по другой причине. — Гаспар, поминись! — беспомощно сказал Мельхиор. — Простите меня, мудрейший, но паломничество наше лишилось смысла. Мы ничего не можем принести Божественному младенцу. Мы вышли королями, а стали нищими. Наш караван разграблен, верблюды угнаны или пали, дары исчезли. Чем можем мы выразить свое поклонение? У нас ничего не осталось, кроме рубища, прикрывающего наши измученные тела. — В бедности нет стыда, — возразил Бальтазар. — Пустухи, первые зашедшие в вертеп, были оборваны, грязны и вонючи, но удостоились великого блага лицезреть Мать и Дитя. — И это говорите вы, Бальтазар! — всплеснул руками Гаспар. — Вы, такой гордый и самолюбивый! Вы готовы приползти к святой хижинке, но как жалкий побирущик! Глаза Бальтазара вспыхнули, но он промолчал. Заговорил Мельхиор слабым, болезненным голосом: — Грустно, бесконечно грустно признать свое поражение, но молодой король прав. Мы стали нищими, нам нечего делать в Вифлееме. Провидение было против нас.

— Великие короли, не преувеличивайте своей бедности, — с неприязнью раскованностью сказал Алазар. — Неужели у вас ничего не осталось? — Не тебе судить, — сурово отозвался Мельхиор. — Ведь ты не знаешь тайного смысла наших даров. — Отчего же? — спокойно и благожелательно произнес Алазар. — Зная мудрость королей, догадаться нетрудно. Дар Мельхиора — золото, дар Бальтазара — ладан, дар Гаспара — мирро.

— Как ты узнал об этом, юноша? — озадачился Мельхиор. — Ваши дары должны восславить три ипостаси Мессии: короля, человека, Бога. И вы можете осуществить свой высокий замысел. — Ты сорщишь словами. — Что осталось у вас, высокочтимый Мельхиор? Мельхиор показал тоненькую золотую цепочку. — У вас, почтенный Бальтазар! Бальтазар показал коробочку с ладаном. — У вас, добрый Гаспар! Гаспар показал пузырек с мирро. — Господь, явившийся в мир, не нуждается в богатстве, ибо не для богатых Царство божие. Конечно, цепочка пригодится бедной семье, но золото Мельхиора лишь символ, знак, а слитки и россыпи не нужны Высшему существу.

— Дни, проведенные возле нас, не пропали для тебя даром, славный юноша! — вскричал повеселевший Мельхиор. — Ты сам не знаешь, как ты поумнел. Алазар поклонился. — И ладан, и мирро — не более чем знаки. Найдется, кому кадить Богочеловеку и кому умастить Ему главу и устать члены. — А ведь он прав! — вскричал Гаспар. — Как мы сами не сообразили! Бальтазар поморщился на эту простодушную реплику, но чувствовалось, он согласен с Гаспаром. — Ну что же, — вновь обрел свою важность Мельхиор. — Теперь, когда мы во всем разобрались и приняли решение, я вновь от лица троих, повторяю свое приглашение, Алазар. Идем с нами, — он чуть помолчал для значительности, — как равный с равными. — Да разве могу я претендовать на равенство с ко-

(Окончание на 10-й стр.)

ВОЛХВЫ

(Окончание. Начало на 8—9-й стр.)

олями! — воскликнул Алазар. — Если я и король, то челиный, да и в том сомневаюсь. Вы верны своему олгу, я — своему. Вам я больше не нужен, вы — у цеи. А мой путь ведет назад.

— Ты обедняешь свою жизнь, Алазар, — без обычно го гонора, а просто и душевно сказал Мельхиор. — Ты прикоснулся с высшим, как же можешь ты стремиться вниз? Не думай, я понимаю, ты хочешь прочно стоять на земле, но ведь есть небо.

— Это сильные слова, король Мельхиор. Но у каждого свое небо. Я не уклонился от службы провидению, стал и пошел, как праотец Авраам, неведомо куда. Мой путь оказался короче, и прошел я его до конца. Та песня спета. Теперь во мне звучит другая песня — мьми, очага, отцовства. Я прощаюсь с вами, великие роли, навсегда. В вечности мы не встретимся.

Алазар низко-низко поклонился, свистом подозвал ирблюда, вскочил на него и поспешил.

— Прощай, Алазар! Прощай, друг! — крикнул вдогон спар.

Мельхиор поднял руку, словно благословлял Алазара. Бальтазар отвернулся.

Темная ночь. Короли понуро бредут следом за последним верблюдом вдоль озера, отражающего слабый свет звезд. Похоже, они опять пали духом: головы оплелы, ноги едва волочатся.

Утро. Алазар отдыхает у бочажка с водой. Рядом глян пощипывает жесткой губой колючку. В воздухе жужжит, словно танцует, пчелиный рой.

— Я все-таки хочу знать, почему вы улетели? — говорит Алазар пчелам. — И почему вернулись? Я ничего не понимаю. Люди называют меня вашим королем, но кой я король? Скорее слуга, к тому же нерадивый. Пчелы не отвечают, продолжая свой приветливый танец.

— Вы же умные, куда умнее меня, — не успокаивает Алазар. — Что все это значило? Знамение? Тайна? Ничто не меняется в кружащемся пчелином строю.

— А если тут другое, вполне житейское? Сосед сунул кулю-то гадость в улей, а вы такие отзывчивые на все: запахи, на шум, на свет и темноту.

Пчелы жужжат громче, и танец их становится более рным.

— Кажется, я угадал? — смеется Алазар. — Надо лучше следить за ульями. И за соседом. Он глуп, ленив дьявольски завистлив. А может, помочь ему стать хорошим пчеловодом, и он перестанет вредничать? Веселый танец пчел.

Короли бредут по берегу озера. Накатываются волны на песчаную отмель. Их пена фосфоресцирует. Однообразный шум укучивает, усыпляет путников, и они бредут как во сне.

Внезапно они очнулись, потому что замолкла колыбельная воды. И тут со страхом обнаружили, что свещаяся оторочка исчезла. Озера как не бывало. Опять во все стороны простиралась черная безжизненная пустыня.

Бедные путники всполошились!

МЕЛЬХИОР: Куда идти?

ГАСПАР: Озеро нам изменило!

БАЛЬТАЗАР: Не озеро, а хитрый Алазар нам изменил.

ГАСПАР: Неправда!

БАЛЬТАЗАР: Он заманил нас и бросил. А сам спешит святой колыбели, чтобы присвоить себе всю честь.

МЕЛЬХИОР: А я было поверил в него!

ГАСПАР (горестно): Неужели и он обманщик?

БАЛЬТАЗАР: Плебеи все испорчили до мозга костей.

МЕЛЬХИОР: Какое падение нравов!

ГАСПАР: Я задуху его собственными руками!

МЕЛЬХИОР: Силы небесные! Что это? Нет, смотрите вавее. Неужели опять галлюцинация?

Нет, то не было галлюцинацией: в небе стояло прекрасное светило — святая Звезда Вифлеема.

Была долгая пауза, затем раздался голос Гаспара:

— Прости нас, Алазар!

Бодро несет Буян Алазара, и вот уже вдали виднеется кровли его родного селения. Рой выпущен на свободу и золотистой сеткой несется впереди.

Сияет на небе Вифлеемская звезда.

Три короля вступили в город. За последние дни они не больше поизносились, обхудали, почернели от луча солнца (последнее не касалось Гаспара, его чья кожа скорее посветлела).

Чем ближе к месту назначения они подходят, тем чаще опускается Звезда к заветному жилищу.

И вот она над соломенной кровлей бедной хижинки. Вокруг все спало: дома, деревья, кусты, но в этой тишине из-за неплотно притворенной двери пробивался свет.

Короли переглянулись. Их глаза тревожно блеснули в темноте. Не так рисовался им приход к Мессии. Где дна свита, тяжело груженные верблюды, статные воины, где золото и драгоценные камни, где достоинство сильных, богатых и мудрых? Все это можно прогнать на их растерянных лицах. Наконец, Мельхиор тихо постучался, вернее, поскребся в дверь.

В доме, действительно, не спали. Мария кормила грудью сына, а плотник Иосиф ошкуривал деревянную шку. Удивленный поздними посетителями, Иосиф, вместо того чтобы просто крикнуть «Заходите!», пошел и рыл незапертую дверь. Увидев пришельцев, он решил, что это нищие, и сказал:

— Мы не подаем. В доме шаром покати.

— Мы не просим, — робко сказал Мельхиор.

— Так кто же вы?

— Мы короли, — прошелестело в ответ.

Мария услышала шепот у двери и спросила Иосифа:

— Иосиф, кто там?

— Побирушки. — Иосиф усмехнулся. — Они называют себя королями.

— Бедные люди! — вздохнула Мария. — Сколько раз не повторяй слово «мед», во рту слаще не будет. Величай себя хоть императором, дырок на платье не уменьшится. Пусть войдут. Дай им оливок и ключевой воды.

— Входите, — сказал Иосиф.

Короли вошли и замерли на пороге — на них, отвернувшись от материнской груди, сознательным и серьезным взглядом темных чистых глаз глядел двухнедельный младенец. Этот пронизывающий взгляд бросил их на колени.

Они ползли к ложу Марии, перестав быть королями, забыв про все свои амбиции, потери, неудачи, страдания долгого пути, тяжелые разочарования, ибо все состоялось: они увидели Его...

По их изможденным и прекрасным любовью и смиренными лицам катились сладкие слезы.

Мария посмотрела на мужа и покрутила пальцем возле виска, мол, помешанные. Иосиф развел руками.

— Сколько таких неопасных безумцев бродит по улицам и рынкам Вифлеема! — бормочет Иосиф. — Мне иногда кажется, что люди вообще потихоньку сходят с ума.

Иосиф насыпал горюшку оливок на стол, поставил жбанчик с водой, три глиняные чашки и позвал убогих к столу. Но они не заметили его приглашающего жеста.

Их глаза были прикованы к новорожденному и его простодушной Матери.

А потом они отползли к порогу, поклонились лбами в земляной пол, поднялись и тихо вышли, не осмелившись преподнести свои скромные дары, просто оставив их на полу, возле ложа Марии.

Иосиф нагнал их за порогом и почти насильно насыпал оливок в карманы, а Мельхиору, как самому старому и несчастному, всучил медный грошик с дыркой посредине.

— Карман-то не дырявый? — заботливо спросил Иосиф. — Сырку козьего купишь, пожустеряешь его деснами. — И скрылся в доме.

— Какие странные люди к нам приходят, — сказала Мария, помогая пальцами лучшему току молока в розовый зев сына. — Они ведут себя так, будто сроду не видели новорожденных.

— Просто он им нравится, — сказал Иосиф. — Крепенький тихий малыш, с чудным личиком.

— Как бы не сглазил! — всполошилась Мария.

— Нет, люди с добром идут.

Иосиф недоговорил, наступив на дары, оставленные королями. Он подобрал их с пола.

— Золотая цепочка, — произнес удивленно.

Понюхал пузырек.

— Ладан. Да какой духовитый!

Открыл коробочку, погрузил в нее мизинец.

— Мирро. Откуда все это у нищих?

— Наверное, краденое, — высказала предположение Мария.

— Ты права, — согласился плотник. — Нечисто, видать, сработали и боятся, что их схватят с поличным. Вот и подбросили нам.

— Надо скорее избавиться от этих данайских даров, — Мария сильно встревожена.

— Пусть соседи хорошенько уснут и перестанут бегать на двор. Я их закопаю под старой смоковницей, — пообещал Иосиф.

Мария вновь склонилась над сыном, а Иосиф вернулся к прерванной работе.

— Знаешь что, Иосиф, — через мгновение сказала Мария. — Выбрось это сейчас.

Иосиф завернул дары волхвов в тряпицу и вышел.

Алазар подъезжает к своей хижине. Пчелы оставляют его и тощит, но бодро жужжащим роем отправляются на пасеку.

Возле дома ушастый ослик, перестав щипать траву, кивает большой головой вернувшегося хозяину.

Алазар сходит на землю и направляется к дому. Буян и ослик сближаются и дружелюбно трутся друг о друга мордами.

Косой луч солнца прорезает внутренность хижинки и освещает сидящую на ложе мать с младенцем у груди. Кто видел Мадонн итальянского кватроченто, тот легко представит себе, как выглядела Кана со своим первенцем.

Она не двинулась навстречу мужу, то ли не веря в правду его возвращения, то ли боясь потревожить младенца, но свинцовая мука ожидания в ее глазах отступила перед бирюзовым светом радости.

И было что-то такое вечное, святое в образе матери и младенца, что Алазару на миг представилось, будто он не оставил паломников, а вместе с ними достиг вифлеемского вертепа. Он опустился на колени перед совершенным образом жизни вечной.

Было долгое молчание, лишь дышали осторожно верблюд и ослик, зашедшие следом за Алазаром в хижину. Затем Кана спросила:

— Ты нашел пчел?

— Да. Но ты была права, я шел не за этим.

В глазах женщины был немой вопрос.

— Я не умею объяснить тебе... Сказать: я помог людям?.. Да, но этого мало. Ты спас легенду, кто-то шепчет мне на ухо.

— Я не понимаю, — тихо сказала женщина.

— Я тоже, — признался Алазар. — Ты помнишь, я увидел на дне сосуда — мать, дитя, кажется, еще были вол и козы. Те, кому я помог, шли туда.

— Зачем?

Он долго молчал, потом сказал неуверенно:

— За новым сердцем... для нашего сына... для всех нас...

— Я не понимаю, — повторила женщина.

— Я простой парень, откуда мне взять слова? — беспомощно произнес Алазар. — А может, сейчас и не нужно понимать? Доверимся времени. А пока давай просто жить.

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ

В буфете Дома кино разговариваю с Юлианом Паничем — бывшим актером и режиссером Ленинградского телевидения, ныне редактором русской службы радио «Свобода». Полагаю, читателям «ЭС» нет смысла представлять человека, который в 70—80-е годы читал им «Нобелевскую лекцию», «Архипелаг Гулаг» Солженицына, Владимира Максимова и Василия Гроссмана, Владимира Войновича, Александра Галича... Наверняка многие с удовольствием увидели лицо Юлиана Панича в тот день, когда на экранах телевидения появилась первая серия фильма Юлиана и Людмилы Панич «Долгая дорога домой». Сейчас они — в Москве с новым проектом.

— Юлиан, вы приехали в Москву как раз в тот момент, когда Богдан Ступка играл «Записки сумасшедшего» в версии, написанной вами и Василием Сечинным. Я знаю, что вы видели спектакль.

— Да. Произошло то самое случайное, которое всегда чем-то подготовлено. Я принимал очень мало участия в создании этой инсценировки. Василий Сечин, который был и остается моим приятелем, сделал инсценировку и принес ее мне как бы на рецензию. Мы читали ее вслух, думали, как это могло бы быть, совершенно не надеясь, что когда-нибудь она зазвучит на русском ли, украинском языке. Версия делалась для зрителей, знающих немецкий.

Богдан Ступка сыграл совсем не то, что слышал я, когда читал строчки Гоголя, доказав еще раз, что актер — не иллюстратор и профессия его самостоятельна. Образ, созданный Ступкой, — не только Гоголь, но и личные нервные связи самого Ступки с сегодняшней жизнью. Уникально умение Ступки вести свою линию, пребывать на сцене параллельно с текстом. Вы можете выключить звук спектакля, но вам все равно будет нестерпимо больно смотреть на героя. Вы можете убрать зрительный ряд, и впечатление будет столь же сильным. Это тот самый симбиоз звука, слова и движения, который так редок в театре.

Во МХАТе я стал свидетелем настоящего праздника искусства. Я сидел в первом ряду и видел пот на лице Ступки, потом смотрел на Ивана Семёновича Козловского, этого великого украинца, в прошлом певчего Киево-Печорской лавры, который приветствовал артиста, с трудом выговаривая слова. А потом два дня я ходил как больной. Это Богдан Ступка сидел во мне с тем кругом мыслей, которые он открыл в знакомом мне тексте. И пока существует эта плеяда актеров — есть еще одно измерение нашей духовной жизни, которое называется театр.

— Ваш новый проект связан с нашими актерами?

— Целиком, полностью от них зависит. На седьмом десятке лет, поработав артистом, на телевидении и на радио, я стал что-то понимать в искусстве. Мое, может быть, неправильное понимание заставляло меня чувствовать себя ужасно неуютно у микрофона радио «Свобода». Я читаю много, и есть определенное число людей, которые относятся к моему чтению со вниманием. Я мечтал сохранить русское звучащее слово. За 36 лет совместной жизни и работы с Людмилой Панич у нас сложилась «театр», как говорят на Западе, «мафия» — как говорю я. Мы делали фильмы на Ленинградском ТВ, спектакли в театре «Ленинград-65» (был такой неполучившийся Театр вольнодумцев в Питере). А сейчас во главе русской службы радио «Свобода» оказались люди, которые поверили, что наше дело стоит продолжать. Не знаю, чего тут больше — необходимости не «разбавлять» репертуар нашей станции художественными передачами или ублажить на старости лет этого дурачка Панича. Во всяком случае, по совместной договоренности было сделано несколько инсценировок. Первый опыт радиоспектакля мы сделали тогда, когда Ельцина избрали Президентом и свежи были воспоминания о том, как его била и топтала партия, к которой он принадлежал. Мы рассказали о первом российском президенте — для этого взяли текст пленума ЦК, взяли интервью у